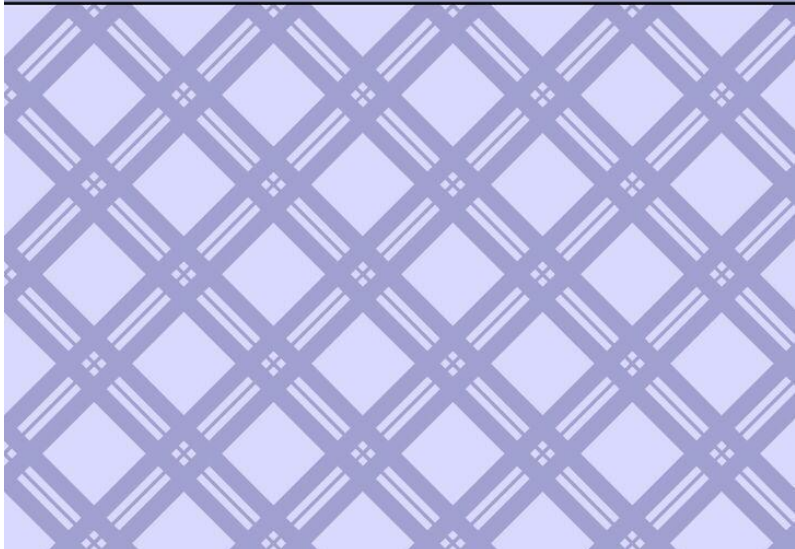

18+ Александр Булдаков

*Путь по лезвию
ножа.
Разгуляев*

Александр Булдаков Путь по лезвию ножа. Разгуляев

<https://litres.ru/74153654>

ISBN 9785007019705

Аннотация

Бывший генерал КГБ умирает в одиночестве на кафельном полу собственной ванной. Иван Разгуляев когда-то был на взлёте — карьера, власть, деньги. Но за каждым успехом — предательство, взятки, отравленный таллием полковник Гордеев. Исповедь человека, который переступил черту и не смог остановиться. История падения, где лезвие ножа оказалось острее совести. И дневник, написанный слишком поздно.

Содержание

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Путь по лезвию ножа. Разгуляев

Александр Булдаков

© Александр Булдаков, 2026

ISBN 978-5-0070-1970-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Книга пятая: РАЗГУЛЯЕВ

Посвящается тем, кто предал однажды — и не смог остановиться. Тем, кто променял честь на деньги, совесть на комфорт, присягу на безнаказанность. Тем, чьё имя вычеркнуто из памяти, но чьи дела продолжают жить. И тем, кто идёт по следу — спустя десятилетия, не зная, что правда иногда тяжелее лжи, но только она дарует покой.

«Нож опасен не для того, кто его держит, а для того, кто не знает, где кончается лезвие и начинается рукоять. Я думал, что знаю. Я думал, что держу нож за рукоять. Но однажды лезвие повернулось ко мне — и порезало не меня, а всех, кто был рядом. Сначала я не понял. Потом было поздно. А теперь — когда поздно уже всё — я пишу эти строки. Не для того, чтобы меня оправдали. Для того, чтобы поняли: зло не рождается злым. Оно становится злым. Постепенно. Шаг за шагом. Отказ за отказом. Компромисс за компромиссом. И когда оглядываешься назад — а назад оглядываться уже страшно, потому что там темнота, — то видишь не дорогу, а пропасть. Которую сам и вырыл. Лопатой, данной тебе при рождении, — совестью».

Из дневника И. П. Разгуляева, запись от 28 декабря 2009 года, найденная в личных вещах после смерти, переданная в

архив ФСБ, засекреченная до 2050 года

Пролог. Смерть в Москве

Москва, сентябрь 2010 года.

Иван Петрович Разгуляев умирал в своей квартире на Кузюзовском проспекте — в доме под номером 26, в том самом «доме генералов», где когда-то жили министры и секретари ЦК, где стены помнили шёпот заговоров и звон хрустальных бокалов на правительственных приёмах, где в 1980-е годы собиралась московская элита, решавшая судьбы миллионов.

Квартира была огромной — сто пятьдесят два квадратных метра, расположение на шестом этаже с панорамными окнами на излучину Москвы-реки. Ремонт делали итальянцы в 1994 году — мраморная плитка на полу, лепнина на потолках, встроенная кухня из красного дерева, ванная комната с джакузи, в которой сейчас, в этот самый момент, на кафельном полу в луже собственной крови и раздавленной пены для бритья, лежал хозяин.

На стенах гостиной — картины. Настоящие. Шишкин «Утро в сосновом лесу» — куплен на аукционе «Сотбис» в Лондоне в 1996 году за двести сорок тысяч долларов. Левитан «Весна. Большая вода» — подарок от президента крупной нефтяной компании, которая хотела получить контроль над лесными угодьями в Восточной Сибири. Несколько голландцев — малых фламандцев, купленных на распродаже коллекции какого-то разорившегося аристократа.

Картины видели многое. Слышали многое. Молчали бы

до сих пор — если бы могли говорить.

Но не могли.

Разгуляев брился в ванной в семь утра, как делал это каждое утро последние сорок лет, с тех пор как вышел на пенсию и мог позволить себе не спешить. Традиция — пена для бритья «Truefitt & Hill», лондонская, по сто двадцать фунтов за банку, которую он выписывал из Англии через знакомого дипломата. Бритва опасная — «Dovo Solingen», ручная работа, чёрная рукоять из эбенового дерева, подарок от японских партнёров по лесному бизнесу в 1990-м.

Он любил этот утренний ритуал. Любил смотреть себе в глаза — карими, глубоко посаженными, с желтоватыми белками (печень уже не та, в молодости пил меньше, но годы берут своё). Любил чувствовать, как лезвие скользит по щеке, оставляя за собой чистую, гладкую кожу, без щетины, без грязи, без следов времени.

Время — оно копилось на лице. Морщины вокруг глаз, глубокие складки от носа к подбородку, пигментные пятна на лбу — следствие долгой жизни, стычек с солнцем, стресса. Разгуляев не любил своё лицо. Но привык.

В семь часов пять минут он почувствовал, как правая рука перестала слушаться. Словно кто-то огромный, невидимый, стоящий за его спиной, наступил на нерв.

Бритва выпала из пальцев. Упала на дно раковины с металлическим звоном — звоном, похожим на колокольный, на отдалённый, едва слышный, но от этого ещё более страш-

ный.

Разгуляев поднял левую руку, посмотрел на неё. Рука дрожала — крупная, старческая дрожь, от которой не спрятаться. Он попытался ухватить бритву — не получилось.

Потом — темнота перед глазами.

Не сразу. Сначала — мельтешение мурашек, как в детстве, когда долго смотришь на солнце, а потом закрываешь глаза и видишь оранжевые пятна. Потом — чёрные точки, плавающие в поле зрения, как планктон в озере.

Потом — резкая боль в затылке. Удар, как от лома, как от удара молотом по наковальне, как от выстрела — только пуля не прилетела, прилетела смерть, другая, медленная, беспощадная.

Он упал.

Ударился головой о край ванны — той самой, итальянской «Jacuzzi», которую установили в 1998 году за двадцать тысяч долларов. Край был острым, мраморным. Кровь хлынула сразу — тёмная, густая, пахнувшая железом. Потекла по лицу, смешиваясь с пеной для бритья, с водой из крана, с чем-то ещё — может быть, со слезами. Он не чувствовал боли — только страх.

Липкий, животный страх, от которого сводит живот и подкашиваются ноги, такой страх он испытывал впервые за много лет. Последний раз — в 1953 году, когда Гордеев собирал на него досье, когда в Москве решалась его судьба — арестуют или нет.

Тогда он испугался, но выкрутился. Купил, обманул, подставил. Вышел сухим из воды.

Теперь выкрутиться было нечем.

Он лежал на спине, раскинув руки, как распятый. Левая — на кафеле, пальцы сжаты в кулак, ногти впиваются в ладонь. Правая — безвольно, мёртво, на груди, как у покойника в гробу. Ноги вытянуты, носки вверх — он ещё не верил, что конец, рефлекторно пытался подтянуть колени к животу, уйти от удара, спрятаться.

Потолок — высокий, белый, с вентиляционной решёткой, из которой с тихим жужжанием вырывается тёплый воздух. Люстра — хрустальная, тяжелая, в три яруса, которую Алина выбрала в итальянском каталоге, не глядя на цену.

«Всё, — подумал он. — Конец. Приехали. Финал. Антракт».

Мысли путались, наслаивались друг на друга, как страницы склеившейся книги. В ушах звенело — то ли от удара, то ли от страха. Пульс отдавался где-то в горле, слишком громко, слишком часто.

Он вспомнил вдруг мать.

Анну Дмитриевну Разгуляеву, урождённую Пестову, из семьи крестьян-середняков, раскулаченных в 1931 году. Мать была высокой, сутулой, с крупными руками и вечно нахмуренными бровями — следствие постоянного напряжения, в котором она жила. Её лицо — породистое, с тонкими губами и глубоко посаженными глазами цвета болотной ти-

ны — Иван помнил до мельчайших морщин.

Она сидела у окна в деревенском доме — то самое окно, выходящее на дорогу, по которой ушли на фронт отец, братья, соседи. Сидела, смотрела на закат, ждала почтальона с похоронкой. И дождалась — на отца. И не заплакала. Только зубы сжала так, что желваки заходили ходуном, а на скулах выступили белые пятна.

— Слабаков не люблю, — сказала она тогда Ивану, который стоял рядом, боясь подойти. — Жизнь — борьба. Кто слаб — тот проиграл. Запомни это, Ваня. Запомни на всю жизнь.

Он запомнил.

Он, Иван Разгуляев, был сильным. Долго. Выигрывал — всегда, везде, у всех. Переиграл Гордеева — того, честного, неподкупного, принципиального, с его дурацкими фронтовыми медалями и ещё более дурацкими идеалами. Переиграл конкурентов в Москве — тех, кто пытался отжать его долю лесного пирога. Переиграл партийных чиновников — те думали, что он простой исполнитель, а он был кукловодом. Переиграл бандитов в девяностые — те пришли с автоматами, а ушли с пустыми руками, потому что он был умнее, хитрее, безжалостнее.

Переиграл само время — оставался на плаву, когда другие тонули, уходили на дно, исчезали в пучине. А он стоял. Как скала.

Скала рассыпалась.

Теперь лежал на кафельном полу в собственной ванной, с перекошенным лицом, с капающей кровью, с мыслью о том, что никто не придёт. Никто не подаст руки. Никто не вытащит.

Алина — жена, вторая, на десять лет младше, крашенная блондинка с силиконовыми губами и безграничной любовью к чужому кошельку — была в Париже. С любовником. Она даже не скрывала этого последние два года. Он знал, с кем, где, когда. Знал имя, возраст, профессию — фотограф, нищий, красивый. Знал, что Алина покупает ему дорогие подарки на его деньги. Знал, но молчал.

Почему? Не любил её — никогда не любил. Но боялся одиночества больше, чем измены. Боялся пустой квартиры, тишины, отражения в зеркале. Боялся остаться наедине с собой.

Дети от первого брака — Андрей и Борис — не звонили уже три года. Обиделись. Не на то, что он оставил им мало денег — наследства хватило бы на десять жизней. На то, что он не приехал на похороны матери, Валентины, умершей в 2007 году от рака поджелудочной железы.

Он мог приехать. Билет стоил копейки. Время — было. Но не приехал. Потому что боялся. Не смерти — правды. Правды, которую могли сказать ему в глаза сыновья. Правды о том, что он сделал. О том, кем стал. О том, что променял.

— Ты трус, — сказал Андрей по телефону после похорон. Голос был глухим, сдавленным, с нотками отвращения. —

Ты всегда был трусом. Просто умело это прятал.

— Я не трус, — ответил Разгуляев.

— А кто? Кто вместо того, чтобы проститься с матерью, сидит в своей московской берлоге и боится выйти на свет?

— Я болел.

— Врёшь, — сказал Андрей и положил трубку.

Больше они не разговаривали.

Друзья — те, кто когда-то называл себя друзьями, с кем он пил коньяк «Камю» в ресторане ЦДЛ, играл в преферанс на даче до трёх ночи, обсуждал новые схемы ухода от налогов под шумок, — исчезли. Как только его имя перестало открывать двери. Как только он перестал быть полезным. Как только здоровье подвело, и он уже не мог присутствовать на важных встречах, решать вопросы, давать обещания.

Исчезли, будто их и не было. Телефоны молчали. Приглашения не приходили. Даже в день рождения звонили только Алина и секретарша — и то по обязанности.

Никого.

Только холодный кафельный пол. И юзом текущая кровь. И падающие из крана капли воды — кап, кап, кап, как секундомер, отсчитывающий последние минуты. И тишина — такая плотная, что, кажется, её можно потрогать руками.

«Гордеев, — подумал Разгуляев. — Ты выиграл в конце концов».

Он проговорил это мысленно, не вслух. Язык уже не слушался, губы онемели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.